

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ИРИНА ЧЕРНЯВСКАЯ

ПРИШЕЛЬЦЫ

Когда полыхали тюльпаны
В то юное, яркое лето,
В наш город пришельцы попали
С неведомой, дивной планеты.

Одежды их радужно-пёстры,
Их песни вольны, словно птицы,
А все они — братья и сёстры
Огромной семьи смуглолицей —

Беспечной, весёлой, свободной!
...Шептала их племени имя
И шла я с тоской безотчётной
За ними, за ними, за ними...

Я шла за Мечтою — за песней,
За голосом вольной гитары...
От счастья душа в поднебесье
Всё выше и выше взлетала!

И верилось мне, и казалось,
Что жизнь бесконечно прекрасна,
Что там, впереди — только радость,
Что я родилась не напрасно!

...В душе сохранила я свято
Ту песню далекого лета,
Что пели цыгане когда-то —
Пришельцы с чудесной планеты...

ВОЛЧИЦА

Я — волчица. Я теперь — волчица.
Плачу я? Да нет — я дико вою.
От моей тоски не излечиться.
Я самой себе могилу рою.

По любви я так изголодалась!
На беду ты оказался рядом.
А тебя, женатого, пыталась
Приманить своим несатым взглядом!

Что я скажу, печальный грешник, Богу,
Земной свой путь как оправдать смогу?
— Покой и воля, говоришь? —

и строго

Бог скажет:

— Всё на левом берегу...

Взгляну на левый... Чуден мир забвенья! —
Там в земь уходят ложь, навет, молва,
А здесь не счесть, какому поколенью
Жить не дают л у к а в ы е слова.

Иду на левый. Гаснут небо, звёзды.
На левом лес и ночь... кричит сова.
— Уже не рано, но ещё не поздно,
Молись, молись...—
Шепнёт у ног трава.

Очнись — ворота
Ада или Рая?..
Окончив путь, что ночи был черней,
Душа голубкой белой замирает —
Не смерть страшна,
Страшна дорога к ней.

ВИКТОРИЯ КАН

ЗАМУЖЕМ

Десять лет “без права переписки”...
Узок мир через дверной “глазок”.
Из вчера в сегодня путь был близкий,
Из сегодня в завтра путь далёк.

Десять лет в домашнем “чёрном списке”
За неосторожные слова,
За похлёбку из глубокой миски,
Окольцованные “птичьи”, но права.

Горечь — первый признак женской осени...
Десять лет, потраченных напрасно...
Но манит свободой прорубь просини,
И тревожит свет калины красной...

ПОЛНОЛУНИЕ

Вскрикнула испуганно пичуга
И затихла за стеной тумана.
По волнам полночного обмана
Дом плывёт в бескрайних травах луга.
В голубых просторах бродят тени
Старых яблонь группой сплочённой.
Запах мяты и антоновки мочёной

Дразнит ноздри, наполняя сени.
Скрипнет дверь. Я, от восторга тая,
Проскользну серебряною рыбкой
В лунный свет, таинственный и зыбкий,
В мир волшебный, без тебя, без края...

СОНЕТ

Никак не оторвётся лист последний
От ветки полусонного куста.
Мне кажется, что это неспроста
Сгущаются вокруг чужие тучи,
И синий блеск раскатистых созвучий
Ударил в перекрытия моста.
О, краткий миг пред гибелью листа!
Над ним навис копытом всадник Медный,
А лист багряный так покорно тих,
Что вместе с ним печалится мой стих.
Что лучше — быть живым иль вечным вечно?
От бурных чувств до снега трепетать
Иль гордо в одиночестве стоять
Над временем, летящим быстротечно?

ВЕРА КОБЗАРЬ

ДОМА

Я снова здесь. Цветёт вишневый сад —
И ветер кружит лепестки цветов.
Заносит двор весенний снегопад
И у сарая — пирамидку дров.

Прозрачна тень трепещущих берёз,
Кудахчут громко куры у плетня.
Звенит тяжелой цепью старый пёс,
Встречая лаем радостным меня.

Тут всё как прежде! Тихо и светло.
Медовый запах в воздухе разлит.
Мерцает речки гладкое стекло,
И у качелей девочка стоит.

ВИКТОР БЕЛОВ

* * *

...Вот эти трепетные тени
От лёгких крыльев стрекозы,
На вишнях клея тяготенья
И алый блеск литой лозы,

Свеченье золотых кувшинок
По тихим заводям Хопра,
Раскрученность ветров вершинных
И всплески пламени костра,
И звон овсяный на закате,
В полях распев перепелов
И тьмы всего — я чую в брате,
Да и в тебе оно, Белов.
Оно уже неистребимо,
В земном и отличает нас,
Лишь с ним тебя зовут любимым
И под венцом, и в смертный час...

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

БРОШЕННАЯ ЯБЛОНЯ

О, как она неистово цвела...
Кипел нектар в соцветиях медовых,
И пчёлы нашего села
Теряли головы от запаха хмельного.
Задиристый, горластый соловей
Всю ночь, пьянея, пел своей подруге
О том, как хорошо среди ветвей,
Таких зелёных и таких упругих...
А влага звёзд — волшебная роса
Питала корни и поила ветви.
Чтоб захмелели даже небеса
От запаха бушующих соцветий.
Но лопнул ствол под тяжестью ветвей,
В траву упали яблоки литые,
Чтоб заманить играющих детей,
Они сияют, словно золотые...
Но детский смех уже не слышен здесь,
Весь сад зарос крапивой и бурьяном
И брошен навсегда... и лишь окрест
Струится дух забытого медвяный...
Ушли жильцы из дома в никуда —
Кто в города, кто на погост навеки,
Оборванные стынут провода
На сломанном столбе, как на калеке.
Нет связи с миром отшумевших дней,
И только воробьи ещё мелькают
У сгнившей крыши и у тех ветвей,
Что зря плоды на землю осыпают.